

Цинь Юй вздохнул про себя, глядя на Цинь Цзяня, и его взгляд изменился.

— Иди за мной.

Князь Цзинь первым вышел вперед. Цинь Цзянь, немного поколебавшись, поспешил последовать за ним. В заднем саду резиденции князя Цзинь погода была прекрасной. Многие молодые господа прогуливались, а также несколько служанок, у которых не было дел.

Цинь Юй прошел мимо них, и все, увидев его, опустились на колени, выражая почтение. Цинь Юй провел Цинь Цзяня через пруд и, взмахнув рукавом, случайно сбил ароматный мешочек, висевший на поясе Цинь Цзяня. Мешочек подхватил ветер, и он упал в озеро.

— Э-э... — начал Цинь Цзянь, собираясь подойти.

Цинь Юй схватил его за руку и взглядом указал на стражника, следовавшего за ними.

— Ароматный мешочек князя Аньсяна упал. Достань его.

— Слушаюсь.

Стражник немедленно прыгнул в воду.

В беседке Цинь Юй и Цинь Цзянь сели друг напротив друга. Цинь Цзянь с недоумением смотрел на него, но не осмеливался задать вопрос.

— Ты знаешь, почему все кланялись нам по пути сюда? — спросил Цинь Юй.

— Естественно, из уважения к вам, ведь вы — князь Цзинь, — ответил Цинь Цзянь.

— А почему я — князь Цзинь? — с улыбкой продолжил Цинь Юй.

Цинь Цзянь не смог ответить, уставившись на тонкую фарфоровую чашку в своих руках.

— Потому что я — шестой сын покойного императора и младший брат нынешнего вашего величества, — объяснил Цинь Юй, глядя на него. — А ты — князь Аньсян, внук покойного императора, князь, лично назначенный вашим величеством. Люди в резиденции служат тебе, и не тебе думать о том, как с ними говорить, а им — о том, как говорить с тобой.

— Но я не вы, — тихо пробормотал Цинь Цзянь, сжимая чашку.

— Подними голову и посмотри на меня, — строго сказал Цинь Юй.

Цинь Цзянь поспешно поднял голову, широко раскрыв глаза.

— Я ношу фамилию Цинь, и ты носишь фамилию Цинь. Мы ничем не отличаемся. За исключением того, что перед лицом императора в Золотом зале, тебе не нужно кланяться никому.

Взгляд Цинь Цзяня замерцал, словно он что-то начал понимать. Он неуверенно спросил:

— А если я не буду так же хорош, как вы?

— Я не лучше тебя, — мягко сказал Цинь Юй, отводя взгляд. — Мне просто повезло больше!

Он подумал: «Мы оба — дети дворцовых стен, но мне просто повезло больше, ведь с детства меня опекала мать».

— Молодой князь, мешочек найден. Хотите, чтобы я высушил его и принес вам позже? — спросил стражник, положив мешочек и отступая за пределы беседки.

Цинь Цзянь посмотрел на промокшего стражника, его щеки дрогнули, и он набрался смелости.

— Оставь его здесь.

— Слушаюсь.

Стражник почтительно удалился. Цинь Цзянь, глядя на его почтительную фигуру, почувствовал, как в его сердце поднимается что-то новое. Казалось, он начал понимать слова князя Цзинь.

— Хе-хе, — усмехнулся Цинь Юй, видя, что тот что-то уловил. — Вернись и почитай больше исторических книг, чтобы понять, что такое отношения государя и подданного, хозяина и слуги.

— Я запомню.

Цинь Цзянь кивнул, внимательно глядя на князя Цзинь, и затем решился.

— Могу я называть вас дядей?

— Почему ты называешь меня дядей?

Цинь Юй с недоумением посмотрел на него, вспомнив, что при первой встрече Цинь Цзянь уже называл его так. Это было не совсем неправильно, но немного странно. Другие могли бы сказать, что это попытка подольститься к князю Цзинь, но Цинь Цзянь не выглядел как человек, который льстит, особенно врагу.

— Вы сказали, что я — внук покойного императора, а вы — его сын. По старшинству... — голос Цинь Цзяня становился все тише. Он смотрел на князя Цзинь, думая, что тот недоволен.

— Только поэтому?

Цинь Цзянь отвел взгляд и, помолчав, наконец сказал:

— Из-за матери.

Цинь Юй удивился, чувствуя, что у него не было особых связей с его матерью.

— Мать сказала, что вы — наш благодетель.

Благодетель? Цинь Юй уже не в первый раз слышал это неприятное слово от Цинь Цзяня. Он смотрел на него, и в глазах мальчика была искренность. Цинь Юй верил в его искренность, но не понимал.

— Почему ты считаешь, что я твой благодетель?

— Мать сказала, что меня не должно было быть на свете. Отец презирал нас с матерью и рано или поздно избавился бы от нас. Если бы не вы, князь Цзинь, мы бы уже давно погибли.

Поэтому, хотя жизнь в Дворцовой тюрьме была тяжелой, мы хотя бы могли жить спокойно. Мать велела мне помнить вашу доброту.

Цинь Цзянь говорил тихо, снова опуская голову. Он не помнил жизни в императорском дворце, но каждый раз, когда мать говорила об этом, она крепко обнимала его, и тогда она сильно дрожала.

— Перед смертью мать взяла мою руку и велела мне помнить доброту князя Цзинь и жить честно.

Ха, жалкая, но достойная уважения женщина! Цинь Юй понял, что в тот день, когда она попала в Дворцовую тюрьму, служанка знала, что жить ей осталось недолго. Она боялась, что Цинь Цзяня используют, и что, когда он вырастет, у него появятся другие мысли. Поэтому она придумала этот наивный обман, чтобы обмануть еще ничего не понимающего Цинь Цзяня.

Но, возможно, Цинь Чжэн действительно плохо обращался с ними, но он точно не был их благодетелем. Рано или поздно Цинь Цзянь поймет, что этот обман рухнет, но Цинь Юй все равно восхищался этой служанкой, потому что она была вынуждена так поступить из-за своей ничтожности, хотя и выбрала глупый способ.

— Ты можешь называть меня дядей, но, Цинь Цзянь, ты должен понять одну вещь, — сказал Цинь Юй, пряча свои мысли.

— Что именно? — с недоумением спросил Цинь Цзянь.

— Четвертый год Чжэнмин — это первый год Юнхэ, — внезапно сменил тему Цинь Юй. — Ты знаешь, что произошло в тот год?

— В первый год Юнхэ князь Цзинь вошел в столицу, ваш величество взошел на престол, а меня с матерью переселили в Дворцовую тюрьму, — честно ответил Цинь Цзянь.

— Ты говоришь слишком просто, — усмехнулся Цинь Юй, поворачиваясь к озеру. — В тот год, в первый месяц, армия Северной границы предала, застава Тяньшунь была прорвана, и я повел войска прямо к столице, осадив ее на шесть дней. Войска штурмовали город, не щадя себя, жители столицы были в панике, а те, кто не успел уйти из пригорода... были уничтожены. Все боялись объединенных сил Янь и Ци и готовы были сдаться.

— А потом? — спросил Цинь Цзянь, не чувствуя напряжения в его спокойном голосе.

— Потом, на шестой день вечером, войска прорвали городские ворота и ворвались в императорский дворец. Твой отец покончил с собой на троне. По словам вашего величества, его кровь залила весь трон.

Цинь Цзянь опустил голову, смутно понимая, насколько трагичной была эта история, но не мог представить, как это выглядело на самом деле. Он также чувствовал, что князь Цзинь хотел сказать ему что-то, но не был уверен, что именно.

— Что вы хотите сказать?

— А за год до этого я лично приехал в столицу и пообещал твоему отцу поддержать его и помочь устранить князя Ци. Через три месяца после возвращения я поднял знамя восстания. Поэтому, Цинь Цзянь...

Цинь Юй поднял его голову, заставляя смотреть себе в глаза, и серьезно сказал:

— Я не твой благодетель.

— Но мать сказала...

— Твоя мать хотела сказать тебе, чтобы ты жил честно и спокойно, — добавил Цинь Юй то, что служанка не сказала.

Цинь Цзянь надулся, выглядел жалко. Цинь Юй почувствовал жалость, но не мог поступить иначе. Только так замысел служанки не пропадет даром, иначе Цинь Цзянь может повторить судьбу Цинь Чжэна.

— Мне все равно, что ты обо мне подумаешь в будущем или как выберешь жить, но ты не должен предавать старания твоей матери. Только зная правду, ты сможешь ответить на эти вопросы. Только поняв это, ты поймешь, что история — это не просто рассказы.

Цинь Цзянь все еще молча встал и направился к выходу из беседки. Цинь Юй вздохнул и жестом велел Сяо Фу-цзы проводить его.

— Дядя, — вдруг остановился Цинь Цзянь, стоя на ступеньках перед беседкой.

Цинь Юй вздрогнул, глядя на его маленькую фигуру, и вдруг улыбнулся.

— Что такое?

— Я всегда буду помнить тот день, когда вы вывели меня из Дворцовой тюрьмы.

— Понял, иди.

Цинь Цзянь наконец улыбнулся, с детской наивностью, и пошел за Сяо Фу-цзы, шагая легко, не так, как пришел.

Кабинет

Цинь Юй снова сидел за столом. Резиденция князя Цзинь была большой, но, казалось, только это место принадлежало ему, потому что здесь скрывалась ложь, заговоры, результат его кропотливых усилий.

Он смотрел на медный талисман на столе и вдруг понял, что, возможно, он не тоскует, а просто скучает и не может смириться с теми годами. Он злился только на молодого маркиза Му, разрушившего те годы, которые должны были быть идеальными.

За дверью Сюэ Тан стоял у двери, ладонь мягко прижата к ней. Он издали увидел князя Цзинь в заднем саду. Выражение лица князя было спокойным, но он чувствовал, что что-то не так, и потому последовал за ним. Очнувшись, он уже стоял здесь.

Скрип. Дверь открылась, и Цинь Юй инстинктивно почувствовал раздражение, собираясь сделать выговор, но, подняв глаза, встретился с ясной синевой.

Этот кабинет с сегодняшнего дня наполнился ароматом орхидей!

— Князь, вы... все в порядке?

[]

<http://bllate.org/book/16170/1450104>